

**Уральский
федеральный
университет**

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина» (УрФУ)

ул. Мира, 19, Екатеринбург, 620002
факс: +7 (343) 375-97-78; тел.: +7 (343) 374-38-84
контакт-центр: +7 (343) 375-44-44, 8-800-100-50-44 (звонок бесплатный)
e-mail: rector@urfu.ru, www.urfu.ru
ОКПО 02069208, ОГРН 1026604939855, ИНН/КПП 6660003190/667001001

_____ № _____
На № _____ от _____

ОТЗЫВ

официального оппонента
на рукопись и автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук
СЕЛИНА ДМИТРИЯ ВАДИМОВИЧА
«Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье
(восточный вариант пахомовской культуры)»
Специальность 07.00.06 – археология

Современные подходы к изучению различных аспектов дописьменной истории сегодня самым существенным образом отличаются от тех, которые определяли стилистику работ прошлого века. Если еще недавно археологи были заняты, прежде всего, систематизацией артефактов, отдавая предпочтение разработке культурно-хронологических периодизаций, то теперь пришла пора постановки новых задач, и ориентиры научных изысканий существенно изменились. Рецензируемое исследование Д. В. Селина является примером новых подходов к изучению, казалось бы, достаточно разработанной в западносибирской археологии эпохи бронзы темы – пахомовской культуры андронидной общности.

«Восточный вектор» в изучении андронидных культур Западной Сибири в последнее время приобрел особую актуальность. Происходящие отсюда материалы отличаются ярко выраженным своеобразием на фоне выделенных к настоящему времени культур андронидной ассоциации. Особенно остро стоят проблемы абсолютной датировки, а ярко выраженный

синкретизм керамических комплексов и специфический облик погребальных и культовых комплексов требуют адекватных исторических интерпретаций, основанных на современных методах извлечения информации. Привлеченные автором результаты радиоуглеродной хронологии, антропологических определений, аналитических исследований керамики и собственно новые материалы, в ряду которых поселения, могильники, а также неизвестный ранее тип археологических объектов (имеется в виду культовый комплекс Тартас-1), выдвинутые модели культуuroгенеза и связей подтверждают актуальность и новизну выносимых на защиту положений, что является обязательным атрибутом исследования ранга кандидатской диссертации.

Особенное значение имеет качество источников, на которые опирался автор. Основу составляют недавние полевые исследования, в которых Д. В. Селин принимал непосредственное участие. Речь идет о масштабно раскопанных памятниках Старый Сад, Тартас-1. Им также проделана большая работа по обработке коллекций в музеях Екатеринбурга, Тюмени, Омска. Мне довелось, что называется, со стороны наблюдать за работой Д. В. Селина в фондах нашего университета, и специально отмечу его профессиональные компетенции и тщательность в работе.

Для извлечения актуальной информации привлечены возможности современных междисциплинарных методов. Особый акцент сделан на технологическом анализе керамики, что позволило автору приблизиться к моделированию взаимодействия культур Западной Сибири в конце бронзового века с точки зрения преемственности и трансформации керамических традиций. Проведенная в этом направлении работа отражена в солидной базе данных, которая подробно комментирует исследовательские подходы, результаты аналитики, исходные данные.

Подготовленные иллюстрации, результаты аналитических исследований, аккумулярованные в базе данных, анонсированные методы и подходы к изучению археологических источников, в полной мере отражают

стратегию и тактику научного поиска диссертанта. Она логична и понятна. Рубрикация 2 и 3 глав передает авторский подход к группировке описываемых археологических артефактов, комплексов, ситуаций, в основу которого положен территориальный принцип приуроченности к основным рекам изучаемого региона: Тара, Омь, Тартас.

Автор продемонстрировал глубокое погружение в проблематику. Специально отмечу уважительное отношение к работам своих предшественников. Бесстрастный тон историографического раздела (глава 1) позволил сосредоточиться на констатации конкурирующих гипотез, моделей и проблемных ситуаций, определиться с приоритетными аспектами исследования. Предпочтения были сделаны в области выделения и детализации портрета пахомовских комплексов восточного варианта андронидной общности.

По существу работы. В плане методологии считаю упущением отсутствие сюжета о выделении инвариантного ядра и вариативности в рамках андронидной общности, что позволило бы более четко определить общие и локальные черты анализируемого образования. Как некую попытку в этом направлении можно рассматривать выделение «эпохальных черт керамики» (с. 117-125, 150), однако вряд ли подобная инвариантность исчерпывалась только керамикой.

Феномен формирования обширных общностей, обладавших ярко выраженным своеобразием на флангах ареала, проистекает из своего рода информационного взрыва эпохи палеометалла, обусловленного переходом к производящей экономике и углубившимся разделением труда. В таком случае темы хозяйственных адаптаций и связей приобретают чрезвычайно важное значение. К сожалению, этот аспект автором опущен вовсе.

В условиях спорности радиоуглеродных датировок, которые показали значения в пределах XIX-XVII, XVII-XVI, XXI-XVIII вв. до н.э. (с. 165-166) Д. В. Селин при построении хронологической шкалы восточного варианта пахомовской культуры вынужден был опираться на артефактные

хронологические индикаторы (§ 5.2.). При этом в качестве аналогий привлекались преимущественно украшения, которые, как правило, имеют весьма растянутую хронологию, отражая тем самым консервативность костюма. Принципиальным является позиционирование пахомовских комплексов в рамках финальной стадии бронзового века, что ставит перед автором целый ряд вопросов. В Приоболье к этому времени складывается бархатовская культура, в Прииртышье и Приобье ирменская, красноозерская, сузгунская, что надежно зафиксировано стратиграфическими данными. Чем объясняется более продолжительный период пахомовской культуры в Барабе, нежели в Тоболо-Иртышье?

Здесь следует указать также на спорные принципы составления археологической карты. Уместно было бы представление более детального ее варианта, включающего все известные археологические памятники конца бронзового века Барабы и прилегающих регионов. Отсутствие на карте сузгунских, ирменских, еловских и красноозерских памятников упрощает сложившийся к тому времени культурный фон и затрудняет восприятие границ культурных ареалов, или напротив отсутствие таких границ. Некоторые указания на этот счет можно найти на с. 153, но хотелось бы более подробных комментариев о соотношении образований, представленных этими комплексами. Особенного внимания заслуживает «еловский» комплекс, который, на мой взгляд неоправданно исключен из сферы внимания автора. Более того, полагаю, что еловские комплексы вместе с пахомовскими Барабы, передают своеобразие восточной окраины андроновидной общности.

Чрезвычайно спорной считаю представленную модель культурогенеза, согласно которой пахомовские памятники восточного варианта – археологическое воплощение миграции в Приобье населения с запада (с. 175). В таком случае стоило бы раскрыть факторы и свидетельства подобных миграций. Судя по антропологическим данным и собственно известным археологическим памятникам, прежде всего погребальным, приток населения

в андроновское время в Барабинскую лесостепь был весьма существенным. Почему же для этой территории автор исключает возможность алгоритма формирования андронидной культуры, подобного тому, который моделируется для черкаскульской Зауралья и пахомовской Тоболо-Иртышья?

Считаю более целесообразным рассматривать сложение креолизованных андронидных комплексов Барабы в рамках модели взаимодействия и «андроновской колонизации». И тогда локальное своеобразие будет определяться балансом взаимодействующих сторон, представленных с одной стороны туземными культурами, в данном случае это носители кротовских традиций, с другой – исходными миграционными (андроновскими) импульсами. В качестве весомых можно рассматривать антропологические аргументы, согласно которым «...образцы мтДНК населения восточного варианта пахомовской культуры являются, как минимум, двухкомпонентными и включают в себя генетические субстраты автохтонных доандроновских и пришлых андроновских популяций» (с. 160–161).

Растянутые географические рамки андронидной общности в пределах почти 1500 км обусловили столь характерный для культур эпохи бронзы «синдром культурной непрерывности» и ярко выраженное своеобразие андронидных комплексов на противоположных флангах. В нашем случае это черкаскульские комплексы на Урале и пахомовские и еловские в Приобье.

Бесспорной исследовательской удачей считаю разработку модели южных связей, тем более, что она опирается на результаты технологического анализа керамики, и антропологические свидетельства. Приоритетное внимание автор уделит бегазы-дандыбаевской культуре, однако не высказал свое отношение к проблеме алексеевско-саргаринских связей. Я понимаю, что эта тема выходит за рамки его непосредственного научного внимания, но хотела бы обратить внимание на перспективность разработки данного сюжета в дальнейшем.

Большого внимания заслуживает и металл. Здесь автору можно было пойти дальше и воспользоваться имеющимися источниками для разработки темы связей с культурами-производителями металла, т.к. в лесостепном Приобье нет меднорудных месторождений. В поисках аналогий изделиям из металла не в полной мере использован корпус зауральских находок, в составе которых выделяется группа кельтов с пещеркой.

В заключение подчеркну, высказанные выше замечания также не более чем исследовательская версия, которая вовсе не претендует на свою исключительность. Избыточная ремарка о культурогенезе и металле, скорее свидетельство глубокого интереса к работе и желание включиться в дискуссию по теме, которая находится в сфере моих непосредственных научных интересов.

Считаю, что смысл любого оппонирования заключается в конструктивной критике, которая позволит коллеге увидеть новые ракурсы и перспективы в своей дальнейшей работе. Разворачивая этот тезис, хочу пояснить, что для моделирования и интерпретации археологических ситуаций и артефактов большое значение приобретает своего рода глобальный евразийский подход, в основе которого лежит представление о расширении зон металлургических провинций, коммуникационных коридоров на фоне заметного разделения труда и межкультурных интеграций, обусловленных развитием продуктивного скотоводства, транспорта, металлургии и горного дела.

Представленная к защите работа основана на действительно новых материалах, ставит новые вопросы, опирается на современные методы мультидисциплинарных исследований. На самом деле замечания, адресованные автору, в свое время и для меня составляли известные трудности, на многие из них и сейчас нет однозначного ответа.

Некоторые стилистические погрешности и ошибки, от которых не свободно рецензируемое сочинение, в наше время являются даже своего

рода надежным знаком, указывающим на безусловное авторство и самостоятельность исследования.

Ключевые выводы отражены в 20 публикациях (6 из них в ведущих рецензируемых журналах) и коллективной монографии.

Автореферат полностью отражает структуру и содержание диссертации. В нем изложены основные идеи и выводы, показан вклад автора в изучение выбранной проблемы, отмечены практическая значимость и степень новизны исследования.

Диссертационное сочинение Д. В. Селина «Эпоха финальной бронзы в правобережном Прииртышье (восточный вариант пахомовской культуры)» соответствует критериям пунктов 9–14 «Положения о присуждении ученых степеней» ВАК РФ, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 07.00.06 — археология. Д. В. Селин заслуживает присуждения ему искомой степени кандидата исторических наук.

Доцент кафедры археологии
и этнологии, д.и.н.

620002 Екатеринбург, ул. Мира 19,
УрФУ, Уральский гуманитарный институт
Olga.Korochkova@urfu.ru
89321176755
(343)3899445

О.Н. Корочкова

2018 г.

Подпись *О.Н. Корочкина*
Заверяю: вед. документовед ОДОУ
С.В. Дунова